

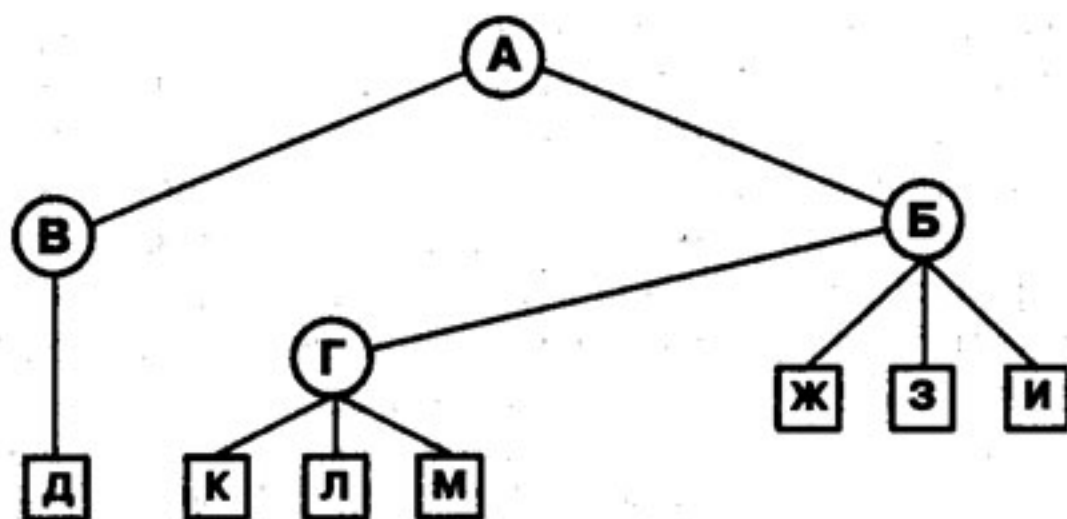
Задача текстолога — развернуть во времени списки произведения, найти между ними последовательность. Для этого как предварительный этап работы в отдельных случаях может служить классификация их по внешним признакам.

Определение взаимоотношения списков

Если отдельные чтения одного списка старше, чем отдельные чтения другого, — значит ли это, что и самый текст первого списка старше второго? Прямого перехода от старшинства отдельного чтения к старшинству списка нет. Только при определенных условиях разночтения свидетельствуют о взаимоотношениях списков.

Прежде всего обратим внимание на то, что для установления зависимости одного текста от другого или старшинства одного текста сравнительно с другим необходимо принимать во внимание совокупность всех разночтений в целом.

Вместе с тем если большинство списков имеет определенный состав чтений, то это еще отнюдь не значит, что именно этот состав чтений наиболее близок авторскому. Большинство списков может давать единое, но ошибочное и позднейшее чтение. Объясним это на примере следующей стеммы:



В прямоугольниках отмечены дошедшие списки; в кругах — предполагаемые недошедшие архетипы. Списки, восходящие к архетипу *Б* непосредственно или через архетип списков *К*, *Л* и *М*—*Г*, содержат единое ошибочное чтение, восходящее к *Б*. Список *Д* восходит к авторскому тексту *А* через недошедшую редакцию *В*; здесь читается правильное чтение, и это правильное чтение в единственном списке противостоит неправильному чтению в списках *Ж*, *З*, *И*, *К*, *Л* и *М*.

Из этого примера следует, что простой количественный подсчет разночтений ничего не дает. «Индивидуальные» (т. е. чтения, встречающиеся только в одном списке) могут оказаться наиболее древними, а чтения, представленные большинством списков, — относительно новыми.

Делает бессмысленными формальные подсчеты и наличие списков со сводными текстами. Как уже указывалось, древнерусские книжники очень часто при переписке произведений пользовались двумя, тремя и более списками, беря текст то из одного списка, то из другого, делая дополнения, сокращая и пр. Такого рода манера работы также делает бессмысленными подсчеты исследователем разночтений. Допустим, что подсчет покажет, что список Ефросина «Задонщины» имеет меньше совпадающих со «Словом о полку Игореве» чтений отдельных мест, чем другие, но объяснение этому может состоять в том, что список, сделанный Ефросином, вообще меньше других — Ефросин сократил свой текст «Задонщины». Это случай элементарный. Допустим, что мы станем сравнивать все списки «Задонщины» только в той части, которая сохранилась в списке Ефросина, и придем к выводу, что совпадающие со «Словом» чтения представлены в этой части именно в списке Ефросина, но тогда очевидно одно: перед нами не древний текст, а часть древнего текста, и установлена она не путем простого подсчета, а в результате предварительного исследования и разбивки разночтений на древние и новые. Удастся сделать это путем сличения списка Ефросина со «Словом о полку Игореве», и это сличение доказывает, что «Слово» ближе к тем древним спискам, которые зависят от «Слова», однако этим путем выделить текст списка Ефросина в особую редакцию «Задонщины» все же невозможно. Редакции устанавливаются не только путем группировки разночтений, но путем анализа происхождения разночтений, путем выяснения их смысла, путем анализа состава текста и т. д.

Имеет значение суммировать данные о разночтениях, принимая во внимание их «направленность», установленную анализом их. Но и в данном случае необходимо быть очень осторожным. Среди разночтений двух или более списков могут быть очень многие, которые возможно толковать по-разному: и как зависимость одного списка от другого и, наоборот, — как зависимость другого списка от первого. Поэтому для доказательства определенной зависимости непременно необходимо найти такие разночтения, которые могли получиться только при строго определенной зависимости одного списка от другого и никак не могли свидетельствовать об обратной зависимости. Установив однонаправленное соотношение отдельных чтений, необходимо проверить все остальные разночтения: нет ли среди них таких, которые противоречат этому. Последнее крайне важно. В текстологических исследованиях всегда следует проверять выводы, пытаясь их повернуть. Так, например, если текстолог приходит к выводу, что список *О* зависит от списка *П*, то надо проверить все разночтения между ними, попытавшись применить их к противоположному мнению: что список *П* зависит от списка *О*.

Заметить текстологическую близость двух текстов не так трудно, — труднее объяснить эту близость, установить взаимоотношение текстов. Исследователь склонен преувеличивать близость и предвзято ее объяснять. Известно, что большинство фактов близости может быть объяснено различно. Нужно непременно обращать внимание не только на то, что говорит за определенный характер связи, но и на то, что говорит против именно этого характера связи. Одно «против» перетягивает десятки и сотни «за».

Одно «против» накладывает текстологическое вето на данное объяснение, и необходимо искать новое объяснение, за которое говорили бы все факты и не было бы ни одного против. Психологически отойти от раз принятого объяснения бывает очень трудно. Встретившееся «против» воспринимается как нечто враждебное. Сознание исследователя отказывается его замечать или начинает против него атаку, пытаясь ослабить его значение. Хорошо, если это удастся сделать вполне обоснованно, но человеческое мышление, склонное к экономии сил, иногда удовлетворяется полувозражением, полу-соображением и идет дальше, оставляя позади опасные подводные камни, на которых затем терпит крушение вся концепция. Чтобы не заблудиться, у охотников и грибников есть такое правило: идя вперед, почаще оглядываться. Тогда легче найти дорогу назад. То же правило нужно помнить и текстологу: надо не забывать дорогу назад, иметь мужество вернуться к исходным фактам, не забывать всего хода своих рассуждений, уметь объективно анализировать слабые стороны своих доказательств и при необходимости отказываться от своих выводов. Один из лучших текстологов нового времени — А. А. Шахматов обладал этой способностью научно честно отказываться от своих выводов. Его часто за это упрекали, но именно благодаря этому качеству он достиг выдающихся успехов: он шел только за истиной, а не за своей концепцией, и истина оказывалась, разумеется, самой выигрышной из всех возможных выигрышных концепций. К сожалению, не все из исследователей это понимали, бессознательно предпочитая истине эффективную концепцию, не умея в должной мере быть объективными и мужественными в своих изысканиях.

Если, как это чаще всего бывает, списки заключают «необратимые» чтения обеих зависимостей, то это свидетельствует обычно о происхождении их от какого-то недошедшего списка.

Общее происхождение списков будет доказываться и наличием в них общих ошибок, вернее — целой системы общих ошибок, так как невероятно, чтобы несколько переписчиков, работая по разным протографам, сделали целую сумму одинаковых ошибок.

Приведу пример неправильного объяснения текстологической близости трех крупнейших памятников русской литературы — древнейшей русской летописи, «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона и Толковой палеи. Толковой палее были посвящены исследования М. И. Сухомлинова¹, В. Успенского², Н. С. Тихонравова³, И. Н. Жданова⁴,

¹ М. Сухомлинов. О древнерусской летописи, как памятнике литературном. СПб., 1856 (см.: Исследования по древнерусской литературе акад. М. Сухомлинова. СПб., 1908. С. 58–70).

² В. Успенский. Толковая палея. Казань, 1876.

³ Н. С. Тихонравов. 1) Отчет о XIX присуждении наград графа Уварова. СПб., 1878. С. 52–55; 2) Собр. соч., т. 1. М., 1898. С. 156–170; «Примечания». С. 38–52.

⁴ И. Жданов. Соч., т. 1. СПб., 1904. С. 445–483. (Впервые напечатано в 1881 г.).

А. В. Михайлова¹, В. М. Истрина², А. А. Шахматова³, К. К. Истомина⁴,
А. В. Рыстенко⁵, В. П. Адриановой-Перетц⁶.

Уже давно была замечена текстологическая близость Толковой палеи с «Речью философа» в русской летописи и со «Словом о законе и благодати» митрополита Илариона. Первоначально эта близость толковалась в том смысле, что и «Речь философа» и «Слово о законе» вторичны по отношению к «Палею». Диктовалась эта концепция общими предвзятыми представлениями об отсталости русской литературы. Такой крупный и сложный памятник, обладающий незаурядными литературными достоинствами, с точки зрения последователей, не мог возникнуть на Руси; раз так, то он возник до «Речи философа» и до «Слова о законе», т. е. до XI в. — в Болгарии или Византии. «Кто из русских X—XI вв. — спрашивает В. Успенский, — мог быть автором столь систематичного, цельного и стройного сочинения?»⁷ Целый ряд ученых придерживался того же взгляда. Только К. К. Истоминому удалось в результате внимательного анализа текстов указанных сочинений доказать, что «Речь философа» и Толковая палея имеют общий источник, а не восходят друг к другу. В. М. Истрин видел этот общий источник в предполагаемом им «Хронографе по великому изложению», но это уже другой вопрос. Кроме того, в распоряжении автора летописного рассказа («Речи фило-

¹ А. Михайлов. 1) Общий обзор состава редакций и литературных источников Толковой палеи. — Варшав. унив. изв., 1895, кн. VII. С. 1–21; 2) К вопросу о тексте книги Бытия пророка Моисея в Толковой палею. — Там же, 1895, кн. IX; 1896, кн. 1; 3) К вопросу о происхождении и литературных источниках Толковой палеи. — Изв. АН СССР по РЯС, т. 1, кн. 1. Л., 1928. С. 49–80.

² В. М. Истрин. 1) Замечания о составе Толковой палеи. — Изв. ОРЯС АН, 1897, т. II, кн. 1 и 3; 1898, т. III, кн. 1; сборник ОРЯС, LXV, № 6, 1898; 2) Из области древнерусской литературы. II. Древнерусские словари и «пророчество Соломона». — ЖМНП, 1903, окт.; 3) Из области древнерусской литературы. IV. Редакции Толковой палеи. — ЖМНП, 1904, февр.; 4) Редакции Толковой палеи. I. Описание полной и краткой палеи. — Изв. ОРЯС, 1905, т. X, кн. 4; 5) Редакции Толковой палеи. II. Взаимоотношения полной и краткой Палеи в пределах текста Палеи Коломенской. — Изв. ОРЯС, 1906, т. XI, кн. 1; 6) Редакции Толковой палеи. III. Хронографическая часть полной и краткой Палеи и «Хронограф по великому изложению». — Изв. ОРЯС, 1906, т. XI, кн. 2; 7) Редакции Толковой палеи. IV. Общие выводы. — Изв. ОРЯС, 1906, т. XI, кн. 3; 8) Из области древнерусской литературы. IV. Редакции Толковой палеи. — ЖМНП, 1906, февр.; 9) Толковая палея и Хроника Георгия Амартола. — Изв. ОРЯС, 1924, т. XXIX.

³ А. А. Шахматов. Толковая палея и русская летопись, статьи по славяноведению, вып. 1. Изд. 2-го Отделения АН. СПб., 1904. С. 199–272.

⁴ К. К. Истомин. К вопросу о редакциях Толковой палеи. — Изв. ОРЯС, 1905, т. X, кн. 1; 1906, т. XI, кн. 1; 1908, т. XIII, кн. 4; 1913, т. XVIII, кн. 1.

⁵ А. В. Рыстенко. Материалы для литературной истории Толковой палеи. — Изв. ОРЯС АН, 1908, т. XIII, кн. 2. С. 324–350.

⁶ В. П. Адрианова. К литературной истории Толковой палеи. Киев, 1910.

⁷ В. Успенский. Толковая палея. С. 127.

софа») были и другие источники, которыми, в свою очередь, пользовался автор полной «Палеи» (второй редакции).

При анализе разночтений для установления взаимоотношения списков нельзя ограничиваться только разночтениями, надо принимать во внимание состав текста; кроме того, нужно иметь в виду, что совпадение правильных чтений значительно менее показательно, чем совпадение в различных списках чтений ошибочных и вторичных. Характерный пример в этом отношении дает сравнительный анализ четырех списков «Царева государства послания во все его Российское царство на крестопреступников его, на князя Андрея Курбского с товарищи о их измене».

В своей работе «Новые списки "Царева государева послания во все его Российское царство"», анализируя вновь найденные им списки БАН, № 230, и ГПБ, Погодинское собрание, № 1311, Я. С. Лурье пишет: «Сопоставляя между собой уже известные списки — ГПБ, Погодинский, № 1567 (П) и Археографический комиссии № 41 (К) — и вновь найденные списки — БАН, № 230 (А) и ГПБ, Погодинский, № 1311 (Б), — мы обнаруживаем прежде всего, что новый список А отличается особой близостью к известному уже списку П. Сходен состав этих списков: в обоих сборниках тексту "Послания" царя предшествуют "Послания" Курбского Ивану Грозному, Тетерина и Сарыхозина — Морозову, Полубенского (в списке А нет только "Послания" Курбского в Псковско-Печерский монастырь). Текстологическое сличение всех четырех списков обнаруживает ряд совпадений между П и А — даже в явных описках; в списках К и Б в соответствующих местах текст читается иначе. Так, например в ПА в начале "Послания" (с. 9)¹, при перечислении предков Ивана IV, пропущено имя Дмитрия (Донского) — в КБ оно читается; в ПА читается — "писание же твое... вразумлено и внятно" (с. 13) — в КБ правильное: "вразумлено внятно", в ПА читается непонятное обвинение Курбского, что он "вправду с вами злобесовскими советники" (с. 14) — в К яснее: "поправшу с вами" (т. е. "поправшу" заветы христианства), в Б еще лучше: "поправшим вас с своими... советники"; в ПА пропущено отчество смоленского князя Федора "Ростиславич" (с. 19) — в КБ оно читается; в ПА при перечислении правителей Византии называются непонятные "пилаты" (с. 24) — в КБ правильно: "ипаты"; в ПА читается: "Рим со всею Италиєю от греческого царства оттого же вся" (с. 26) — в КБ: "отторжеся", в ПА в процитированном царем вопросе Курбского: "почти есмь сильных во Израиле побии" (с. 29) пропущено слово "сильных" — в КБ оно читается; в ПА царь доказывает, что он не станет казнить "подвластных, имущих разум" (с. 31) — в КБ правильно: "имуще разум"; в ПА: "по не

¹ В дальнейшем в скобках указываются страницы по изданию: Послания Ивана Грозного. Подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье, перевод и комментарии Я. С. Лурье, под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951.

времени" (с. 33) — в *КБ*: "не по времени", и т. д.»¹. Далее Я. С. Лурье отмечает весьма важное принципиальное явление, которое нужно иметь в виду всем изучающим разночтения: «Следует отметить, что совпадение между *К* и *Б* здесь объясняется только тем, что *ПА* в этих случаях дают явно неверное чтение (разрядка моя. — *Д. Л.*); никакой специальной близости списков *Б* и *К* мы не обнаруживаем: список *Б* нигде не повторяет многочисленных ошибок и погрешностей списка *К*. Так, список *Б* правильно называет имена трех сыновей императора Константина — "Константин, Константий и Конста" (с. 24), в то время как список *К* одного из них пропускает, а двух других сливает в единого "Константина"; в списке *К* об отставке Сильвестра говорилось: "мы же его благословив, не отпустившу" (с. 41) — создавалось впечатление, что царь отказал Сильвестру в отставке; в *А* читается "его благословение отпустившим"; в *Б* яснее всего: "его благословне отпустившим"; вместо ошибочного "Янушу" (т. е. венгерскому королю Яну Заполе. — *Д. Л.*) в списке *К* (с. 42), в *АБ* читается — "Янушу", вместо "Евтропию скупцу" — "Евтропию скопцу"; в *АБ* читается имя Дионисия (Ареопагита) как автора рассказа, приводимого Грозным, в *К* оно пропущено (с. 57); и т. д.»². Таким образом, списки *А* и *П* имеют общий протограф. Этот протограф списков *АП* вместе со списками *К* и *Б* независимо друг от друга восходит к общему архетипу.

¹ Я. С. Лурье. Новые списки «Царева государева послания во все его Российское царство». — ТОДРЛ. т. X. М.; Л., 1954. С. 307. — Ср. более полное сопоставление списков в кн.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 318–320.

² Там же. С. 307–308.